

ПОРТРЕТ ВРАЧА: ШТАМОВ

Среди прочих томских врачей он если и выделялся, так разве что особенной статью. Рослый, плечистый здоровяк в белом халате всем своим видом походил, скорей, на циркового артиста, нежели на доктора. Чрезвычайно подвижный, с неизменной улыбкой на устах и румянцем во всю щеку – ни дать ни взять «полнокровный жизнелюбец», по меткому выражению кого-то из классиков.

Ну, а во всем остальном – врач как врач, каких тогда, в канун социальных бурь и потрясений практиковало в Томске великое множество.

Пройдет несколько лет – Яков Захарович превратится в солидного советского служащего. Жизнелюбие останется при нем и румянец никуда не исчезнет, только шутить по этому поводу никому не придет и в голову. Молодецкий облик отныне ничего кроме почтительности внушать окружающим не будет. Ответственные товарищи, облеченные властью, чиновники советского аппарата, руководители предприятий станут добиваться его благорасположения, как особой милости.

Имя его узнает вся Сибирь: доктор Штамов, а институт, который он основал, иначе как «Штамовским», никто не назовет. Длинное официальное наименование «фабрики здоровья» не прижилось, а вот «штамовское» заведение знает каждый томич.

Всего несколько лет – и невероятная перемена. Откуда такой стремительный взлет? С чего бы, казалось?

Никому не ведомый врач, без имени и связей, создаёт уникальное в Сибири медицинское учреждение и оснащает его, невзирая на разруху, «по последнему слову». Институт курортологии и физиотерапии появился ни где-то в теплых краях, а в местах, куда три века подряд ссылали злостных преступников. И никому это не кажется странным! Убежденность доктора Штамова сметает недоверие, как бушующие волны ветхие береговые строения.

Его напор не знает преград. Он умен, обаятелен, энергичен. Ему верят, с ним соглашаются. Ему предоставляют полномочия.

Скажете: что с того? На то и бурное время, чтоб рождать «новых героев», смело экспериментировать, осуществлять неслыханные идеи. Да, никто не спорит. Только делать сказку былью доверяли не всем – лишь «идейно зрелым» с партбилетом в кармане, а Яков Штамов заветного билета отродясь не имел. Как был беспартийным, так и оставался им на руководящем посту долгие годы.

Да умудрился в неблагонадежном сём качестве первым в Сибири получить высшую тогда правительственную награду – орден Трудового Красного Знамени, с орденской книжкой, подписанной «всероссийским старостой». Уж одно это говорит о незаурядности доктора Штамова, высвечивая даже не столько его роль в развитии сибирского здравоохранения – впрямь, очень весомую, а именно масштаб, колоритность

фигуры.

Рассказывают, будто еще до революции доктор Штамов заставил говорить о себе экстравагантным поведением. Но ни один из сюжетов того городского фольклора не сохранился, а старожилов, кто помнил, увы, не осталось. Так что рассуждать о смутных отголосках старых событий нет оснований. Хотя сами слухи, скорее всего, не беспочвенны: уж слишком заметным человеком был Штамов.

Да и след оставил заметный: два института курортологии – Томский и Иркутский, несколько хорошо обустроенных курортов. Сибирская научная школа физиотерапии, множество учеников, последователей. И бесценный опыт восстановления здоровья в сибирских условиях, пригодившийся позже, в военные сороковые, когда Штамова уж не было в живых.

* * *

Начало двадцатых.

Разруха, эпидемии, недостаток продовольствия.

Одна диктатура сменила другую: белый террор становится отчетливо красным. Жизнь человеческая и раньше ничего вроде не стоила, и теперь ее ценность не особо велика, но сохранность здоровья провозглашена все же задачей государственной важности.

В Томске, где существует крупная медицинская база, действуют госпитали. Раненые красноармейцы проходят лечение в относительно неплохих условиях. Третий нервно-хирургический военный госпиталь, к примеру, занимал *«обширные помещения»* и располагал собственной электростанцией.

Здесь вели консультации ученые-медики из университета, а бывшие слушательницы Высших женских курсов на правах сестер милосердия ухаживали за солдатами, помогая оправиться от ран. Лечение воинов, однако, близилось к концу, а хозяйство госпиталя приходило в упадок, что волновало, кажется, одних лишь врачей. Властям было не до того.

Присутствовал ли кто из томичей на первом Всесибирском съезде губздравотделов, проходившем в Омске, не известно, но идеи, которые обсуждались там, нашли одобрение. Участники съезда еще тогда, в 1920 году, говорили о необходимости развития физико-терапевтического лечения, называли города, где уровень медицины позволял это сделать: Омск, Томск, Иркутск.

Подобная мысль прозвучала также на первом Сибирском съезде психиатров и невропатологов. Прозвучала – и отложилась «на потом»: разговоры разговорами, а осилить такую задачу в условиях разрухи, все понимали, было немислимо.

Так и вышло: никто не осилил. Кроме Штамова.

Усилиями Якова Захаровича в Третьем военном госпитале Томска открывается физиотерапевтический кабинет: губздравотдел и эвакуопункт дают

разрешение *«при условии обслуживания там и красноармейцев, и гражданских больных»*¹.

В августе 1921 года военный госпиталь становится гражданским, переходит в подчинение губернских властей. Но Штамову, который *«сумел довольно быстро привести в порядок крайне запущенное помещение и направить лечебную и хозяйственную деятельность по правильному руслу»*², этого мало.

Он постепенно меняет профиль нервно-хирургической больницы. Налаживает стационарное и амбулаторное лечение. Возрождает научные исследования, развивает хозяйство.

Как это делает, на какие средства, трудно сказать. Денег не хватало, зато была возможность с выгодой использовать решительную – не всегда последовательную и не слишком гуманную – политику *«товарищей в кожаных куртках»*. У врачей, практиковавших на дому, приказом губисполкома реквизируют превосходную, лучшую в городе физиоаппаратуру. Она попадает к Штамову, бывшему частному же врачу.

Цель оправдывает средства.

Правдами и неправдами он добивается того, что в марте 1922 года приказом Сибздравицы укрепший госпиталь получает статус областного физиотерапевтического института. И в том же году институт переводят в ведение Сибирского курортного управления.

С этого времени начинается расцвет Штамовской *«фабрики здоровья»*.

Институт изучает сибирские курорты – точнее, дает ученым возможность продолжить научные исследования. Привлекает профессоров Курлова, Яблокова, Нестерова, Ломовицкого. *«Отец сибирской бальнеологии»* Курлов, основатель сибирской школы терапевтов и бывший председатель Ко- миссии по обследованию курортов Сибири, становится научным руководителем института.

К той поре относится известная его работа, где *«предложена оригинальная классификация минеральных вод, позволившая в наглядной форме выразить состав любой минеральной воды...»*³.

Благодаря неутомимой энергии доктора Штамова институт выпускает научные сборники, проводит врачебные конференции. На лечение едут туда из других городов, количество коек в стационаре растет, а озеро Шира, где идет благоустройство, томичи превращают ни много ни мало в летнюю резиденцию Физиотерапевтического института.

Самому институту в старом здании становится тесно, остро не хватает площадей. Как быть? Строить новое – невозможно помыслить, перебраться некуда.

У другого опустились бы руки, но не таков был Яков Захарович Штамов. Пользуясь покровительством комиссаров, беспартийный директор наступает на частный капитал снова и снова: расширяя институт, занимает соседние здания, находящиеся в частном владении. Бывшую гостиницу,

несколько магазинов, дом бывшей Мещанской управы.

Теперь институтский комплекс в центре города тянется на протяжении целого квартала, но Штамову мало. На соседнем квартале он берёт для институтских нужд еще два двухэтажных деревянных здания: всё равно, дескать, обречены на экспроприацию.

Теперь Штамовский институт – громадное хозяйство: шесть лечебных корпусов, столовая, пекарня, прачечная. Электростанция и гаражи. Склады и котельная. Столярная, слесарная и пошивочная мастерские. Есть свой водопровод, действуют электровентиляторы. В прачечной – две центрифуги и три большие стиральные машины. Кухня оборудована гидравлическим подъемником для подачи пищи. Палаты и столовая *«отделаны и обставлены изящно и комфортабельно»*⁴.

Ничего похожего в ту смутную пору ни одно лечебное заведение бедноватого города не имело – кроме старейшей в Сибири университетской клиники, где совершенствовал когда-то мастерство доктор Штамов. В институтском гараже стоят две полуторки, в институтской конюшне отдыхают полтора десятка лошадей. Питание для больных обходилось дороговато – Штамов открывает за городом ферму, берет 670 гектаров пригородной земли для пахоты, сенокоса, выпаса.

В считанные годы институтская «усадьба» становится крупнейшей в городе, там содержат 85 коров, десятки лошадей, больше сотни свиней, без малого полторы сотни овец.

Реквизированных терапевтических приборов не хватает – Штамов ыписывает из-за рубежа *«ряд ценных и редких предметов медицинского оборудования»*⁵. Они обходятся «в копеечку», много не купишь, да ведь и незачем: в Томске свои Левши, которые, дай чертежи, изготовят не хуже. Друго- му подобная мысль в тех диких условиях не пришла бы и в голову – Штамо- ву никакая задумка не кажется дерзкой.

В своих мастерских он начинает выпускать физиотерапевтические, рентгеновские аппараты и снабжает ими профильные учреждения всей Западной Сибири. Совершает полезное дело, получая максимальную выгоду: нормальный подход.

По оснащению институт его не имеет равных среди периферийных физиотерапевтических центров страны. Больные получают здесь комплекс передовых по тому времени медицинских услуг: мототерапия, грязелечение, фото- и термотерапия, рентгенологическое и гидротерапевтическое лечение.

Лечебную грязь привозят из Красноярского края, со знаменитого озера Учум. Консультации ведут лучшие специалисты, включая гинеколога и дантиста. Купив соли радия, институт открывает первое в Сибири онкологическое отделение, ставшее филиалом столичного института. Кто еще, кроме Штамова, мог замахнуться на лечение страшных раковых опухолей?

Штамов лечит красноармейцев, лечит железнодорожников, шахтеров Кузбасса, совслужащих. К нему ложатся поправить драгоценное здоровье директора предприятий, профессора – «красная элита» Томска, ведь таких райских условий не обеспечит в округе никто. Отменное диетическое питание. Мягкая мебель, антиквариат, пальмы – дань моде. Неплохая библиотека. Кинозал, где кто-то из местных светил читает публичную лекцию.

Ковры, картины, аквариумы. Радиоточка у каждой постели: продумано всё до мелочей.

Ну, и квалифицированный персонал: врачей, сестер, технических работников подбирал сам доктор Штамов – отдыхать у него, набираться сил, лечиться считалось престижно и полезно.

Конечно, он дорожил благорасположением властей, использовал связи – тут нет ничего удивительного. Интересно другое: как томский доктор заставил говорить о себе московских «небожителей», в кабинетах которых чувствовал себя столь же непринужденно, как в собственном.

Он хорошо понимал, беспартийный Штамов, как вести себя с красными вождями. Он умел ждать. Умел показать себя и извлечь выгоду из любых обстоятельств.

* * *

Летом 1925 года, совершая поездку по здравницам рабоче-крестьянской республики, нарком здравоохранения Николай Александрович Семашко отправляется в Сибирь.

Почему сподвижник Ленина, в прошлом опытный врач, едет туда, куда препровождали в ссылку его товарищей по партии? Непонятно. Между тем Семашко посещает курорт Карачи, расположенный недалеко от Татарска в Барабинской степи, где с давних пор лечились сульфидной иловой грязью и минеральной водой. Курорт далеко, в сотнях верст от Томска – другое дело Омск, где тоже собирались развивать физиолечение, до него рукой подать.

И все же исследуют и обустривают Карачи томичи, Штамовский институт.

«Курорт резко изменился, стал неузнаваем, - делится впечатлением нарком, - крупная затрата на него – 500 тысяч рублей со стороны страховых органов – имела свои результаты...»⁶.

Штамов поднял на ноги и захудалый курорт Шира, превратив его в одну из лучших лечебниц Сибири. Тем не менее, из каких-то своих соображений он везет народного комиссара не туда, и не на Алтай, в известную целебными грязями Белокуриху, другую свою вотчину, а в Карачи. Его коллеги недоумевают, но вопросов не задают: Штамов всегда всё решает сам.

По величине авторитета ему мало равных.

Его знают, как *«преданного работника-интеллигента»*⁷: такую характеристику через полгода после создания института Штамову дал председатель Сибирского ВЦСПС тов. Фигатнер. Она прозвучала на съезде профсоюзов Томской губернии в августе двадцать второго, а в октябре то же самое отметил глава Сибревкома тов. Лашевич.

Он поддержал предложение съезда наградить Штамова орденом Трудового Красного Знамени, направил во ВЦИК письмо, где указал:

«Идея организации физиотерапевтического института получила воплощение благодаря исключительной энергии, колоссальной работоспособности и настойчивости доктора Штамова», и что «он создал клиническую больницу, которой может гордиться Сибирь...»⁸.

Штамову дали академический паек. Из фонда Сибревкома ему ассигнуют 100 тысяч рублей – огромные деньги: половину в качестве награды, половину, 50 тысяч, для поощрения служащих института.

Через год первым в Сибири Яков Захарович получает высочайшую советскую награду, а спустя время вся сибирская общественность отмечает пятилетие Штамовского института. Газеты трубят о «фабрике здоровья». Приводят цифры: число процедур, койко-дней, научных трудов. Наперебой хвалят Штамова. Ставят его детище в один ряд с *«учреждениями такого типа нашей столицы и южных курортов»*⁹.

Сам Вегман, работавший на высших административных должностях Западно-Сибирского края, отдает должное незаурядным способностям Штамова, который сумел *«преодолеть и превозмочь все стоящие на пути препятствия и довести затеянное до конца»*¹⁰.

Итог преодоления выше всяких похвал: попасть на лечение к Штамову чудовищно трудно.

«Что бы в институте не случилось – перебои с деньгами, снабжением и т.д., – больные никогда этого не знают и не чувствуют, – поясняет «Советская Сибирь». – Об этом подумает Штамов, он всё устроит, всё урегулирует. Больные всегда окружены здесь вниманием, заботой и уютом...»¹¹.

Здесь лечат неврозы, заболевания периферийной нервной системы. Радикулиты, заболевания спинного и головного мозга, желез внутренней секреции, артериосклероз сосудов, последствия травм. Лечат через страховые кассы, по профсоюзным путевкам, даже на платной основе. Лечат, как положено, большей частью рабочих и крестьян, хотя молва утверждает обратное. Разговоры об избранности больных выводят Штамова из себя. Он негодует.

«Часто можно слышать, что лечиться стационарно в институте могут только ответственные работники и их жены, - говорит он, и убедительно опровергает «праздную болтовню досужих кумушек...»¹².

Еще яростнее защищает репутацию института на первом Сибирском съезде врачей.

«Смею верить, у нас «толстобрюхие» не лечатся... Наш институт – единственный от Урала до Владивостока, количество желающих попасть на лечение – тысячи, а удается попасть не более половине. Вот некоторые из них и распространяют подобного рода легенды...»¹³.

Штамов умеет убедить. Но умеет, когда надо, слукавить, ведь институт, что греха таить, и впрямь привечает «толстобрюхих».

Начиная работать, можно сказать, на коммерческой основе, Штамов добивается бюджетных дотаций. Когда это произошло, в 1926 году, лишь три физиотерапевтических института в стране по распоряжению наркома финансов получили государственную поддержку – в Москве, Севастополе и Томске. Бюджетные ассигнования, правда, идут на научные работы, содержать лечебную базу приходится самим.

Но уже в будущем году на обследование и обустройство курортов Сибири государство предоставляет томичам около 300 тысяч рублей. Новую физиотерапевтическую аппаратуру Штамов, опять же по благоволению вождей, получает из Великобритании – её доставляют корабли Карской научной экспедиции. По некоторым видам приборов томский институт теперь держит пальму первенства в стране.

Но расходы растут, Штамов ищет и благополучно находит новые источники финансирования. В условиях жесткого государственного регулирования он проявляет чудеса коммерческой изворотливости – чему все необычайно рады: больные, персонал, отцы города, у которых Штамов арендует институтские здания.

Судьба покровительствует директору института, уберегает его от напастей. Хранит от беды, но... До поры до времени.

Умный Яков Захарович хорошо это знает. Он это чувствует.

* * *

Репутация *«преданного работника»* помогает уберечься от неумолимых чисток лучше всяких анкетных данных. Да и в биографии пятен нет. Следы бурной, с чудачествами, молодости, кою приписывала Штамову злоязычная молва, ни в одном документе не найдешь. Там всё кратко, внушительно, благонадежно.

Родился в семье бийского мещанина Схария Мееровича Штамова. Отец рано умер, заботы о детях легли на плечи матери Гинды Яковлевны. Она сделала всё, чтобы дать им образование, «вывести в люди»: Яков вспоминал о ней с нежностью, тепло относился к сестрам – Сарре, Хае и Гуте. Когда не стало отца, семья переехала в Семипалатинск, где жили родственники.

Закончив с серебряной медалью Семипалатинскую мужскую гимназию, в том же 1905 году Яков подает прошение о зачислении «в число студентов» медфака Императорского университета города Томска. Через год поступает, учится на врача, а еще через три года заводит свою семью, женится на слушательнице Юрьевского университета благовоспитанной Лии Вениаминовне Кругляковской, которая младше его на пять лет. У них родилась дочь Бэлла.

Всё вроде складывается благополучно. Немного портит жизнь не в меру ретивое военное начальство, приписавшее Янкеля Схаровича Штамова «как зауряд-врача в ратники ополчения первого разряда»¹⁴. Но произошло это, к счастью, задолго до войны, в 1911 году.

После окончания университета, получив диплом лекаря «со всеми правами и преимуществами», 28-летний Штамов идет работать в нервнопсихиатрическую клинику университета, набирается опыта. Его сестра Хая тоже становится врачом: заканчивает курсы известного в Томске зубоврачебного заведения Каменецкого, учится у лучшего дантиста Левитина.

Потом «подвергается испытанию» на звание зубного врача в медицинском факультете Томского университета, успешно выдерживает экзамены и заводит свое зубоврачебное дело, сменив при этом имя. Как Янкель становится почтенным Яковым, так и она именуется отныне Глафирой¹⁵.

О судьбе её и других сестер ничего не известно – архивный след тут теряется. Зато сохранилось упоминание о Лии Вениаминовне, которая уже в советское время проработала несколько лет «ординатором по вольному найму при кожно-венерическом отделении университетской клиники»¹⁶...

Полвека спустя ее, живущую в Москве вместе с дочерью, которая тоже стала врачом, отыщет Зинаида Дмитриевна Сапожникова, сотрудница «Штамовского» физиотерапевтического института. Переписка вышла недолгой, во всяком случае, сохранилось лишь несколько писем, из которых мало что можно узнать.

Лия Вениаминовна жаловалась на хвори, в ее 85-летнем возрасте вполне объяснимые, с теплотой отзывалась о Томске, где прошла молодость. Писала, что «живет воспоминаниями», однако подробностей избегала и скупой отзывалась о Якове Захаровиче, называя его «юным мечтателем». Тогда, в середине семидесятых, упоминания о невинно пострадавших, пусть даже

«преданных» и знаменитых, не очень-то поощрялись.

Да, в сущности, она и не знала, почему и как пострадал муж. Вся эта тяжелая, нелепая история потрясла ее настолько, что ощущение растерянности сохранилось на всю жизнь. Словно бы и теперь, спустя годы, до конца не верила, что такое возможно, постоянно задавая себе проклятый вопрос: почему?

Как это могло случиться: клевета, донос, ошибка? Чья тут вина?

Судя по всему, не очень понимала она и того, отчего в 1930 году Яков Захарович бросил преуспевающий институт, заставил семью перебраться в Иркутск, начав работу заново. И почему, оставаясь единственным в городе

беспартийным руководителем, Штамов потом, незадолго до ареста, подает заявление о вступлении в партию? Чувствовал угрозу?

Но что, казалось бы, опасаться ему, знаменитому Штамову? Неужели у него имелись враги – у него, пред кем трепетали, кого уважали, которого знала вся Сибирь?

К тридцатому году слава крупнейшего, лучшего в Сибири института подобного профиля ничуть не увяла. Но что характерно: среди без малого трехсот человек, составлявших персонал института, коммунистов почти не было. Партийная ячейка огромного учреждения включала всего восемь человек, что не нравилось, в первую очередь, самим коммунистам.

«Наш институт представляет собой довольно своеобразное явление, - говорил секретарь партбюро Вейль. – Мы имеем, с одной стороны, крупного организатора в лице товарища Штамова, большое количество чуждого советской власти элемента, а с другой стороны – очень малочисленную, слабую партиячку и местком, не имеющий ярко выраженного лица».

И дальше: «Принципиальная установка ячейки была поддерживать доктора Штамова в работе. Но надо отметить... недопустимое поведение доктора Штамова по поводу самокритики, его сопротивление по вопросу укомплектования института коммунистами...»¹⁷.

Штамов действительно властно укреплял единоначалие. Не терпел пустословия, гнал от себя бездарей, что мало вязалось с его обликом большого безобидного ребенка, угадываемого из писем Лии Вениаминовны. Этого-то «деспотизма» и не могли ему простить.

Он долго, много лет, ограждал институт от характерного для того времени состояния видимости работы, когда бесконечные праздные разговоры о деле подменяли само дело, становились едва ли не самоцелью.

И это тоже не нравилось тем, кто просиживал полдня на собраниях:

«До создания партиячки институт жил замкнуто, жизнь текла мимо него, мы всколыхнули массу...»¹⁸.

То есть, читай, заразили персонал неповиновением, *«пробили брешь в единоначалии Штамова»*¹⁹.

Кроме товарища Вейля усердствовал в этом направлении помощник директора института Поспелов, писавший доносы в прокуратуру на *«неблагонадежных»* работников, *«свору тоскующих по прошлому»*, которых подбирал Штамов. Ну, а сама *«всколыхнутая масса»*, притихнув, выжидала, чем кончится это странное противоборство. Хотя исход был предрешен.

Весной тридцатого года Штамов покидает Томск навсегда.

По инерции какое-то время институт существует вроде неплохо, но развал ведь всегда стремительнее прогресса. Начались проблемы с транспортом, продуктами питания. Что произошло на самом деле, мало кто знал, но догадаться, отчего Штамов покинул родной институт, было несложно.

Пошли слухи. Дабы пресечь их, в конце мая 1930 года секретарь партбюро Вейль и председатель профкома Петровский проводят

институтское собрание, называя беспорядки *«результатом Штамовского режима»*.

Явная ложь вызывает возмущение.

«Персонал и врачи считают, что с уходом Штамова в институте стало хуже, – говорят на собрании. – Штамов умел держать в руках работников, и всё было хорошо, а сейчас стало плохо и новое руководство никуда не годится...»²⁰.

Требовалась большая смелость, чтоб заявить такое в глаза, но сторонников Штамова оказалось больше, чем думали те, кто его выживал.

Наступил раскол, упадок продолжился. Даже четыре года спустя, когда приказом Наркомздрава институт получил статус краевого, неурядицы изжить не удалось. Такого мощного развития, как при Штамове, институт не получит уж никогда.

* * *

Первые два года, переехав в Иркутск, Яков Захарович работал врачом.

Присматривается, укрепляется. Заводит новых знакомых. Ждет удобного случая, чтоб начать всё сначала.

Затем *«на базе бывшей Медведниковской больницы для хроников и так называемых Иркутских дач, находившихся в состоянии крайнего разрушения и запустения»*²¹ создает новое лечебное заведение, перенеся туда прежние, томские порядки и заботу о людях.

«Чуткое, человеческое отношение к больному», которого «лечат все, от швейцара и повара до врача и профессора», становится непреложным правилом Восточносибирского краевого физиотерапевтического института.

Еще через два года хлопотами Штамова институт обзаводится санаторной базой. Во владение ему дают известную здравницу на берегу Ангары, курорт Усолье, который славится соляно-серными водами и лечебными глинами.

На улучшение санатория курорт получает крупную сумму, 413 тысяч рублей, а затем, в 1935 году, в сосновом бору у реки Куды, в пятидесяти километрах от Иркутска, Штамов организует новый, Жердовский санаторий. В поселке Жердовка строит лечебную базу, оснащает медицинским оборудованием. Из Баргузинской тайги туда едут лечиться работники золотых приисков Бодайбо и Алдан.

Яков Захарович снова на виду, весь в делах и заботах. Подбирает кадры, строит, достает. Едет в командировки, выбивает деньги.

Медицинское его хозяйство растет и крепнет, но он недоволен. Будто чувствуя, что времени отпущено уж немного, пятидесятилетний Штамов трудится, не жалея себя, чтоб успеть сделать больше, чтоб за работой не думать о неизбежном.

Ведь он видел, что происходит – умный, тёртый «жизнелюбец». Такие люди были обречены: государство сметало их, как пыль дуновением ветра. Один за другим исчезали наиболее толковые, знающие, добросовестные.

В августе тридцать седьмого настал черед Штамова.

Его арестовали, как участника несуществующей троцкистской организации. Как шпиона, проводившего «диверсионно-вредительскую деятельность».

При обыске изъяли военный билет, орденскую книжку и шесть папок с институтскими бумагами. По всей вероятности, то был не первый арест: в анкете НКВД сказано, что в 1932 году он был исключен из числа кандидатов ВКП(б) в связи с арестом. Но благодаря чему – или кому? – тогда уцелел, не известно.

Лия Вениаминовна работала в Иркутском медицинском институте, заведовала кафедрой кожно-венерологических болезней. О муже с той поры, как увез его «черный ворон», ничего не знала.

Два года жила надеждой, пыталась добиться известий. Потом ей сообщили о смерти мужа.

«Мои хождения по начальству, мои мольбы о выдаче умершего, чтоб похоронить его и хотя б иногда приходить погоревать на могилу, ни к чему не привели, – вспоминала она в письме томичам. – «Ваш муж умер», – всё, чем от меня отделались...».

Остаться в Иркутске было невыносимо, она с дочерью едет в Москву, но многие из родственников Якова Захаровича продолжают жить в Сибири – в Томске, Сталинске, где-то еще. О смерти Штамова они знают не больше, но считают, что произошла она из-за большого потрясения.

Когда карательные органы возглавил Берия, кое-кого он выпустил из заключения, демонстрируя преступную деятельность предшественника Ежова, арестованного как враг народа. Вот Штамов будто бы и попал в эту волну, но сердце не выдержало радостной вести. Остановилось...

Как было на самом деле, стадо известно лишь полвека спустя: в ночь на 28 декабря 1939 года, находясь под следствием, Штамов покончил с собой, повесившись в камере. Через две недели, 9 января, был похоронен на Маратовском кладбище Иркутска²².

Реабилитирован через двадцать лет после ареста. За отсутствием состава преступления...

¹ Шписман И.И. «Западно-Сибирский краевой институт физических методов лечения и курортологии». Томск 1935 г. С.3

² Там же.

³ «Профессора Томского университета». Томск 1996 г. Вып. I С.140

⁴ Шписман И.И. «Западно-Сибирский краевой институт физических методов лечения и курортологии». С.5

⁵ Там же.

⁶ Чулков Е.Г., Шписман И.И. «Томский научно-исследовательский институт курортологии и физиотерапии» Томск 1961 г. С.7

⁷ «Вопросы курортологии» 1966 г. №1 С.34

⁸ Там же

⁹ «Красное знамя» от 17 октября 1926 г. С.3

¹⁰ «Красное знамя» от 24 октября 1926 года С.1

¹¹ «Советская Сибирь» от 23 октября 1925 №267 С.4

¹² «Красное знамя» от 30 апреля 1925 г. С.3

¹³ «Красное знамя» от 12 марта 1927 г. С.1

¹⁴ ГАТО ф. 102 оп. 2 д. 5463 л.15

¹⁵ ГАТО ф. 102 оп. 6 д. 360 л.98

---

¹⁶ ГАТО ф 102 оп. 9 д. 631 л.3

¹⁷ Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО) ф. 424 оп.1 д. 7 л.149

¹⁸ Там же, л.150

¹⁹ Там же

²⁰ Там же, л.152

²¹ «Достижения и перспективы восстановительной медицины, курортологии и физиотерапии» (Материалы межрегиональной научно-практической конференции). Иркутск 2002 г. С.89

²² Региональное отделение Федеральной службы безопасности РФ по Иркутской области. Архивная справка №916 от 15.11.2002 г. (Основание: материалы архивного уголовного дела №4458 ф/п).